

Третий принц оправдывался, заявляя, что, выслушав завещание покойного императора, он лишь поспешил взять седьмого принца под защиту и обеспечить строгую охрану, дабы предотвратить посягательства «злоумышленников» на жизнь нового престолонаследника. Он также утверждал: если бы он действительно хотел выслать погоню за седьмым принцем, почему не расправился с ним во время домашнего ареста? Отсюда выходило, будто преследователи действовали по чьему-то чужому приказу! Сняв с себя обвинения, третий принц перешел в нападение, обрушившись с упреками на наследного принца: тот, мол, пренебрег безопасностью государя-отца и самовольно покинул лагерь, что равносильно дезертирству. По его словам, наследный принц не только лишился права на престол, но и должен предстать перед военным судом — в противном случае его преступления будут обнародованы на всю Поднебесную.

Второй принц не выдержал и хотел заявить, что сам призвал наследного принца в столицу для ведения государственных дел, однако наследный принц остановил его.

Ныне наследный принц из-за обвинений утратил влияние и вряд ли смог бы снова сплотить сторонников при дворе и за его пределами. Третий принц, владевший тремя верительными тигриными бирками покойного императора и завещанием, и без того удерживал преимущество. Если бы второй принц вмешался в эту мутную воду, его легко могли признать соучастником и лишить полномочий регента, и тогда наследный принц окончательно лишился бы какой-либо опоры.

Обе фракции застряли в тупике. Государственные дела, казалось, по-прежнему решались привычным образом: Кабинет министров составлял проекты указов, а Ведомство ритуалов наносило киноварные резолюции, однако на деле они не подчинялись второму принцу, исполнявшему обязанности регента. В Кабинете министров преобладали люди наследного принца, но в свое время наследный принц выступал против вмешательства евнухов в управление государством, из-за чего нажил себе немало врагов среди влиятельных евнухов. Старший евнух-письмоводитель Ведомства ритуалов, естественно, принадлежал к клану семья Тун. Евнухи прекрасно понимали: воссядь наследный принц на престол, их беззаботным дням придет конец. Теперь же, ухватившись за промах наследного принца, эта свора евнухов проявила даже большее отчаянное рвение, чем третий принц, пытаясь изо всех сил подавить его сторонников.

В этой борьбе за престол не было видно порохового дыма — лишь переставлялись чиновники на государственных постах, да обе стороны проталкивали своих людей на ключевые должности. Внешнее спокойствие сохранялось более двух месяцев, пока второй принц, управлявший государством, не был отравлен. Лишь тогда эта бесшумная война обнажила свои клинки.

К счастью, яд обнаружили вовремя. Лу Цзыяо как раз находился во дворец наследного принца на обсуждении дел. Поспешив в Зал Воспитания Разума, он незамедлительно промыл второму принцу желудок, благодаря чему тот не получил серьезного вреда. Всех слуг, участвовавших в приготовлении и подаче пищи, схватили и допросили, но вину на себя взял козёл отпущения, подготовленный третьим принцем.

Этот случай напомнил Лу Цзыяо о временах династии Мин, когда у власти стоял Вэй Чжунсянь, а только что взошедший на престол император Чунчжэнь прятал у себя в одежде лепёшки, принесенные из дома, не смея прикоснуться к дворцовой еде из страха перед ядом, и не дерзал спать в своих покоях, опасаясь наемников Вэй Чжунсяня.

В том случае Вэй Чжунсянь, убив Чунчжэня, всё равно не мог сам стать императором — ему

оставалось лишь возвести на трон малолетнего правителя в качестве марионетки. Теперь же, если со вторым принцем случится беда, третьим принцу марионетка не понадобится: он сам сядет на трон. От этой мысли у Лу Цзыяо мурашки пошли по коже.

Если бы седьмой принц вернулся в столицу прямо сейчас и стал марионеткой наследного принца, смог бы он удержаться и не брать в рот дворцовые кушанья? Смог бы ежеминутно отражать нападения предателей и убийц со всех сторон?

Посредственная боевая выучка маленького пухлого дитяти сгодилась бы разве что против обычных бойцов, но против мастеров уровня Чжан Сы у него не было бы ни единого шанса.

Поэтому сам Лу Цзыяо в глубине души совершенно не хотел, чтобы тот подвергся смертельной опасности, и даже находил решение малыша остаться подле Святого Меча весьма разумным.

Как описывалось в оригинале, если бы малыш за два года овладел непревзойденным искусством владения мечом, обеспечил собственную безопасность, а затем через учеников Секты Меча установил контроль над наместниками провинций, переманил на свою сторону сторонников третьего принца вне двора и прибрал к рукам военную власть, лишь тогда он смог бы пойти на решающее сражение и вернуться в столицу в статусе законного наследника престола.

Впоследствии Лу Цзыяо отправился вслед за отрядом, высланным наследным принцем из столицы на поиски седьмого принца — не для того, чтобы вернуть его, а ради того, чтобы лично следить за усердием малыша в тренировках.

Люди наследного принца не ведали, где находится Святой Меча, а Лу Цзыяо никому не раскрывал этой тайны. Он в одиночку направился к горам Байсиншань и, следуя карте, нарисованной Чжан Сы, искал целых три дня, пока не набрел на бамбуковую рощу, похожую на указанную на чертеже.

Дальше идти было нельзя: Чжан Сы предупреждал его, что углубляться в бамбуковую рощу опасно — иначе будешь плутать на одном месте, пока не умрешь от голода или изнеможения.

Следуя наставлениям Чжан Сы, Лу Цзыяо обошел бамбуковую рощу и наткнулся на два столба из красного дерева, между которыми висела горизонтальная табличка с тремя иероглифами: «Чаоилинь». Название рощи, судя по всему, состояло из иероглифов, взятых из имен Святого Меча и старика Сюя. Трудно было сказать, живут ли оба почтенных мастера здесь, но отношения у них, судя по всему, были весьма неплохими.

Найдя табличку, Лу Цзыяо присел у столба и стал терпеливо ждать появления Святого Меча.

В начале осени на северо-западе было еще достаточно тепло. Лу Цзыяо просидел у рощи весь день, но Святой Меча так и не появился.

Ночевать в горах было опасно — не успеешь оглянуться, как окажешься в брюхе у дикого зверя. Пришлось спуститься в постоялый двор, провести там ночь и с рассветом снова подняться на гору.

Прошло семь дней, но Святой Меча так и не появился.

Лу Цзыяо пора было возвращаться к отряду, иначе посланцы наследного принца посчитали бы его пропавшим без вести и доставили бы в столицу весть о его гибели.

Наследный принц не вынес бы новых дурных вестей. Ныне среди «своих», готовых поддержать его, почти никого не осталось, и лишь Лу Цзыяо мог наедине обсудить с ним выход из положения и помочь справиться с гнётом.

Императрица и прикованная к постели наследная принцесса лежали тяжким грузом на плечах наследного принца. Если рухнет он — согнут и эти две женщины.

Наследный принц до сих пор не дерзал признаться наследная принцесса, что лишился своего титула из-за того, что поспешил к ней в столицу, опасаясь, будто чувство вины лишь усугубит ее болезнь.

Через полмесяца Лу Цзыяо вернулся ни с чем.

Вскоре после его возвращения во дворец второй принц взошел на престол, став марионеточным Императором, роль которого предназначалась исчезнувшему седьмому принца.

Наследного принца перетитуловали в князь Жуй, и его противостояние с третьим принцем вспыхнуло с новой силой.

Лу Цзыяо часто мучили кошмары: ему снилось, будто пухлый малыш на самом деле погиб под клинком Правитель киданей.

Он начал опасаться, что то письмо написал Святой Меча лишь для того, чтобы утешить его, и именно поэтому тот нарочно не показывался на глаза — он просто не мог вернуть ему малыша.

Шкала чувства безопасности в системе с тех пор, как упала до нуля, не подавала никаких признаков жизни. Последняя нить, связывавшая Лу Цзыяо с маленьким пухлым принцем, окончательно оборвалась.

В любых кругах действует закон, по которому дурные деньги вытесняют хорошие. Чем дольше длились убоицы, тем сильнее безупречная честность наследного принца тянула его ко дну.

Год спустя половина сторонников наследного принца в Кабинете министров и Шести ведомствах уже перешла на сторону врага.

Дед Лу Цзыяо по материнской линии, Чжоу Чун, занимал должность второго помощника Кабинета министров и одновременно возглавлял Ведомство работ, оставаясь одним из двух последних сторонников наследного принца в Кабинете министров.

В конце года во время сверки финансовых книг Великая Ци Ведомством финансов на счетах Ведомства работ, подконтрольного Чжоу Чуну, всплыла огромная недостача — два миллиона лянов серебра.

Эти средства первоначально предназначались Ведомству работ для покрытия расходов на перевозку материалов при строительстве сада. Строительство было затеяно покойным императором ещё при жизни, но после его кончины спешка улеглась, и Ведомство военных дел попросило перенаправить деньги на постройку военных кораблей.

Ведомство работ не смело возражать, тем более что Ведомство ритуалов тогда поставило киноварную резолюцию. Однако при новогодней проверке Ведомство военных дел отказалось признать этот долг, а Ведомство ритуалов также пошло в отказ — объединив усилия, они подставили Чжоу Чуна.

Чжоу Чун, чья чиновничья карьера и без того была полна невзгод, чуть не лишился должности и не отправился в ссылку во второй раз. Лишь благодаря заступничеству Императора и наследного принца его лишь отстранили от дел до окончания разбирательства.

Третий принц уже запустил руки в самое сердце правительственной власти. Приверженцы обеих фракций понимали: день смертельной схватки стремительно приближается.

Перед арестом Чжоу Чун велел своей дочери вместе с внуком укрыться в семья Сюэ. Лу Цзыяо, полагавший, что отсутствие чиновничьего чина избавит его от участия в этой борьбе, из-за обвинений, выдвинутых против деда, оказался в самом эпицентре водоворота.

Матушка Лу Цзыяо, хотя сама отказалась искать убежища в семья Сюэ, уговаривала Лу Цзыяо пойти с поклоном к старой госпоже из семьи Сюэ или немедленно сосватать себе невесту и создать собственный дом, дабы как можно меньше пострадать от преследований деда.

Лу Цзыяо, естественно, не согласился и утешал мать, уверяя, что Император защитит деда.

Впрочем, он и сам не верил, что нынешний марионеточный Император способен кого-то защитить. Император, вполне возможно, не мог уберечь даже самого себя — ведь через три дня должно было состояться ежегодное жертвоприношение в Юаньцю.

Каждый год в день зимнего солнцестояния Император обязан совершать жертвоприношения Небу и Земле, пешком отправляясь к алтарю Юаньцю.

По пути Императора окружает лишь торжественная свита, а за ним следует оркестр почти из двухсот человек — лучшего момента для покушения невозможно было и вообразить.

Наследная принцесса, дабы обезопасить его от людей третьего принца, на всем пути от дворцовых ворот до Храма Неба расставила ловушки и устроила сплошное оцепление из императорской гвардии.

*

В день зимнего солнцестояния стоял, казалось, еще более лютый мороз, чем в прошлые годы. Лу Цзыяо вместе с Пятым детеныш и Шестой детеныш находился в Шаншуфан, ожидая вестей о благополучном возвращении Императора во дворец.

Подавленность последнего года сделала обоих малышей куда более молчаливыми, чем прежде.

Глядя в окно и потирая заиндеветшие руки, Лу Цзыяо думал о том, что в прежние годы в это время щечки пухлого малыша превращались для него в маленькую грелку.

Каким бы лютым ни был мороз, его пухленький малыш всегда оставался теплым.

Погруженный в раздумья, Лу Цзыяо заметил, что мимо ворот двора уже в пятый раз проходит один и тот же патрульный отряд. Это были всё те же стражники, и он уже успел запомнить лицо их командира.

Лу Цзыяо незамедлительно сообщил об этой странности пятый принц.